

Конец весны. Окутанный дождливой дымкой Лючэн.

Чжу Яньинь полулежал на постели, и его глаза светились надеждой:

— Как думает уважаемый лекарь, когда ко мне вернется мое боевое мастерство?

Прежде чем лекарь успел ответить, стоявший рядом человек не выдержал:

— Второй брат, очнись. В нашей семье Чжу отродясь ничего подобного не водилось.

Чжу Яньинь ему не поверил:

— Я потерял память, так что ты, конечно, можешь нести любую чепуху.

Чжу Яньхуэй никак не мог взять в толк, почему его второй брат, отправившись на весеннюю прогулку, вернулся в таком состоянии. По идее, банда разбойников лишь отобрала у него вещи и ценности, никто даже меча не обнажил, чтобы его ранить. Как же он умудрился испугаться до такой степени, что совсем лишился ума? Невероятно. И до чего же это стыдно!

— Брат, я не сошел с ума, — возразил Чжу Яньинь.

— Нет, сошел, — отрезал Чжу Яньхуэй.

Иначе с чего бы второму молодому господину Усадьбы Чжу, известному своей утонченностью ученому мужу, вдруг интересоваться громоздкими мечами из кузниц и то и дело твердить о «боевом мастерстве» и «сосредоточении божественного света»? Лекарей приглашали одного за другим, но никто не мог исцелить этот странный недуг, сопровождавшийся потерей памяти и бессвязным лепетом. В итоге все они выписывали лишь общеукрепляющие отвары. От этого питья лицо Чжу Яньиня залилось здоровым румянцем, глаза заблестели, а сам он принялся изводить всю семью с еще большей изобретательностью.

При мысли об этом Чжу Яньхуэй едва не лопался от злости.

В эти весенние дни все еще стояли холода. Жар от жаровни не спасал комнату от сырости, и Чжу Яньинь натянул одеяло до самого подбородка, оставив открытыми лишь холодные глаза-персики с приподнятыми уголками век. Его хрупкое телосложение и растрепанные черные волосы придавали ему болезненный, изможденный вид, вызывавший жалость: такого и пальцем не тронешь, и слова грубого не скажешь.

Чжу Яньхуэй терпеливо повторил:

— Наша Усадьба Чжу — это семья почтенных книжников.

Чжу Яньинь подумал про себя: «Знаю я, знаю. Повторяешь это по восемьсот раз на дню: "семья книжников", "семья книжников"... У меня уже уши вянут».

Но благородное происхождение и жизнь воителя цзянху вовсе не исключают друг друга.

И его осенила новая мысль:

— А может, в мое тело вселился чужой дух?

Чжу Яньхуэй уставился на него с изумлением.

Чжу Яньинь приподнялся, опираясь на руки, и с некоторым волнением спросил:

— Возвращение души в чужое тело — ты ведь наверняка об этом слышал?

Чжу Яньхуэй решительно не понимал, с чего вдруг тот так воодушевился. В полном недоумении он велел слугам принести приходно-расходную книгу и холодно произнес:

— Сначала посмотри на это, а потом уже рассуждай о вселении духов.

Чжу Яньинь открыл книгу:

Пятый день второго месяца: кузница Лао Вана, восемнадцать великолепных драгоценных мечей.

Шестой день второго месяца: книжная лавка «Вэньдао» на юге города, полный комплект из сорока девяти томов трактата «Драконоборческая ладонь: от новичка до мастера».

Седьмой день второго месяца: постройка алхимической печи для выплавки пилюль в усадьбе.

Восьмой день второго месяца: закупка ингредиентов для выплавки пилюль.

Девятый день второго месяца: алхимическая печь взорвалась.

...

Чжу Яньхуэй спросил:

— Знаешь, почему тебе позволено так безнаказанно валять дурака?

Чжу Яньинь мельком взглянул на итоговую сумму потраченного за последнее время серебра и с глубочайшим почтением ответил:

— Понимаю. Потому что я настоящий, родной сын семьи Чжу. Брат, не волнуйся, я больше ни слова не скажу о чужих духах.

И Чжу Яньинь действительно больше не поднимал эту тему. Во-первых, это и впрямь было чушью, а во-вторых, у него банально не осталось денег. Хотя Усадьба Чжу и процветала, с того самого дня, как второй молодой господин спустил целое состояние, скупив товары во всех кузницах города, его щедрое ежемесячное содержание превратилось в красивую легенду, о которой он мог только слышать.

Мягкое утреннее солнце освещало дорожку, по которой с коробкой сладостей в руках резво бежал молодой слуга. Его звали Чжу Сяосуй, он был личным слугой Чжу Яньиня. В усадьбе все любили этого мальчишку, и Чжу Яньинь не был исключением. Разумеется, если бы тот говорил чуточку меньше, Чжу Яньинь любил бы его еще сильнее.

Распахнув ворота во двор и увидев стоящего там Чжу Яньиня, Чжу Сяосуй тут же принялся ворчать:

— Молодой господин, почему вы не в постели?

— Я хотел проведать старшего брата, — ответил Чжу Яньинь.

— Старший молодой господин занят, сегодня у нас гости, — Чжу Сяосуй достал сладости и

угостил его. — Прибыли с Северо-запада, из Клана Минцзянь.

— Клан Минцзянь? — при этих словах, овеянных романтикой цзянху, сердце Чжу Яньиня затрепетало. — Они приехали ко мне?

Чжу Сяосуй тут же без запинки развеял его надежды: гости прибыли исключительно по делам торговли, и к молодому господину это не имело ни малейшего отношения.

Чжу Яньинь никак не мог этого понять:

— Но я ведь всем сердцем чувствую, что принадлежу к цзянху! Должна же быть у этого какая-то причина. Вы точно ничего от меня не скрываете? К тому же в последнее время мне постоянно снится один и тот же сон, такой отчетливый, будто он связан с тем, что происходило до моей амнезии.

Чжу Сяосуй присел рядом с ним на корточки:

— И что же вам снится, молодой господин?

Чжу Яньинь принялся увлеченно рассказывать:

— Мне снится, будто вся семья, испугавшись, что я стану великим злодеем цзянху, сговорились, связала меня по рукам и ногам на кровати и пытается насильно напоить ядом «красная верхушка журавля»!

Слушая это, Чжу Сяосуй лишился дара речи и едва не сплюнул кровью от досады. Будучи личным слугой, он действительно знал немало секретов, а потому считал своим долгом как можно скорее выбить эту дурь из головы молодого господина. Он отвел Чжу Яньиня в спальню и одним движением руки перевернул доски кровати.

«Значит, тайна все-таки есть!» — Второй молодой господин Чжу с трудом сдержал волнение и постарался как можно небрежнее спросить:

— Ты наконец-то решил сказать мне правду?

Чжу Сяосуй вытащил на свет божий три огромных сундука, доверху набитых книгами.

Чжу Яньинь восхитился про себя: «Надо же, я собрал столько секретных свитков боевых искусств! Каков я молодец!»

Он наклонился и взял одну из книг. Открыл ее, и надо же — на иллюстрации красовались мужчина и женщина: они прижимали к постели раненого и насильно поили его каким-то зельем. Название книги тоже не отличалось витиеватостью: «Как великий герой Сыма Уди погиб от рук двоих разбойников».

— ...

К секретам боевых искусств это чтиво явно не имело никакого отношения. Чжу Яньинь взял другую книгу, потом еще одну, а за ней следующую.

«Лидер Цзянху отошел от дел: амбиции кланов выходят наружу», «Как бывший лидер Цзянху умыл руки и разбогател на свиноводстве», «Опровержение: лидер Цзянху не уезжал в деревню разводить свиней»...

Смешанные чувства отразились на лице Чжу Яньиня. Он поднял взгляд на Чжу Сяосуй.

Тот проигнорировал его взгляд. Чжу Сяосуй молча запихнул три сундука обратно под кровать, заново застелил постель и лишь после этого выложил всё как есть:

— Всё это вы купили сами, молодой господин. И прятали под кроватью, чтобы господин Чжу вас не отругал.

Чжу Яньинь искренне недоумевал:

— Но зачем мне было покупать подобную ерунду?

— Потому что вы безумно грезили о цзянху, — ответил Чжу Сяосуй.

Грезить-то грезил, да вот только дороги туда ему не было. Усадьба Чжу в Цзяннани из поколения в поколение славилась как благородный дом ученых мужей. Больше половины Лючэна, укутанного пеленой дождей, составляли их родовые владения. Мужчины в этой семье отличались благородной внешностью, выдающимся умом и талантом к ведению бесед, и каждый из них мог похвастаться по меньшей мере тремя сотнями сочиненных стихотворений. На грубых рубак, махающих мечами, они всегда смотрели свысока и презирали всякую связь с обитателями цзянху.

При подобных семейных правилах и окружении страсти Второго молодого господина Чжу по боевым искусствам было просто негде развернуться. Ему действительно не оставалось ничего другого, кроме как читать книжки и предаваться бесплодным мечтаньям. Сидя на краю постели, Чжу Яньинь битых четыре часа слушал рассказы слуги о своей прошлой жизни. Наконец он смирился с реальностью: он был самым обыкновенным молодым господином из почтенной семьи, не смыслил в боевых искусствах и в цзянху не бывал ни разу. А все эти яркие сны снились ему лишь потому, что до потери памяти он начитался дешевых романов.

Сам же Чжу Сяосуй подумал: «Кто в подлунном мире не знает о блестящем таланте второго молодого господина? С чего это он обыкновенный? Да стоит ему выйти на улицу, как расшитые платки летят в него густо, точно хлопья снега!»

Чжу Яньинь похлопал его по плечу:

— Пойдем, пройдемся, развеемся немного.

Прогулка привела их прямо к покоям Чжу Яньхуэя. В последние годы здоровье господина Чжу пошатнулось, так что он перепоручил все заботы братьям и младшему поколению, а сам вел праздную жизнь. Хозяйство в Усадьбе Чжу было огромным, хлопот хватало, и, по выражению Чжу Сяосуй, «старший молодой господин занят настолько, что ему и жениться-то некогда, а тут еще второй молодой господин голову расшиб». В голосе слуги звенело такое возмущение, что у Чжу Яньиня невольно родилось гнетущее чувство: старший брат до сих пор не обзавелся семьей исключительно из-за того, что на его шее висит придурковатый младший.

Чжу Яньхуэй заметил топтавшуюся у ворот обузу.

— Второй брат!

— Старший брат, — Чжу Яньинь почтительно поклонился.

Чжу Яньхуэй вышел из главного зала:

— На улице холодно, почему ты не отдыхаешь у себя в покоях?

На самом деле Чжу Яньинь пришел извиниться. Он вспомнил, как сразу после потери памяти каждый день требовал скупить все мечи и секретные трактаты, соорудил печь для выплавки пилюль и швырялся деньгами направо и налево. Вдобавок любого, кто пытался вразумить его, он объявлял коварным злодеем. Подумать только: его до сих пор не подвесили к потолочной балке и не выпороли колючими ветками. Похоже, родственные узы действительно крепче железа.

Поэтому он крепко сжал руку Чжу Яньхуэя и торжественно пообещал:

— Брат, все это время я вел себя крайне неразумно. Можешь быть спокоен: отныне я ни словом не упомяну цзянху и больше никогда не стану грезить о боевых искусствах.

У Чжу Яньхуэя слегка дернулась бровь.

Чжу Яньинь искренне хотел загладить вину за свои прошлые капризы, а потому вызвался помочь:

— Может, дома сейчас нужна моя помощь?

Чжу Яньхуэй ответил:

— Да, нужна.

Чжу Яньинь тут же скрепил ладони в воинском приветствии:

— Готов пойти в огонь и в воду, не пожалею жизни!

<http://bllate.org/book/18290/1754018>